

И. А. Бунинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1887—1891 гг.

А. С. Суворова

— 121 —

ОРЕАЪ.

Тел. гон. „Востокъ. Влад.“, Н. А. Суворова.
1891.

Доволено цензурою. Москва, 31 января 1891 года.
30 сентября

ПОСВЯЩЕНО

дорогому брату и глубокоуважаемому другу

Ю. А. ВУНИНУ.

Ничто, не жди ты вблизи отрадной,
Эти звуки — бредъ насильный,
Тонкий членъ струны
Но, полны тоскавой муки
Называютъ эти звуки
Ласковые они ..

Подвиньъ китовъ въ омутъ снѣжной
Тыло шепчетъ мнѣ печальный,
Шепчетъ не слова,
Но водъ тихій шумъ берини
Къ восточнымъ, въ даретю грани
Никтогъ голова ..

А. Фетъ.

С
нились мнѣ цвѣтуція долины,
Снились мнѣ зеленые лѣса,
Снились мнѣ зубчатая вершина
Сняхъ горъ, ушедшихъ въ небеса;

Замокъ, дремлющій при шепотѣ фонтановъ,
Гдѣ красавица, склонившаяся на балконъ,
Спитъ въ тѣни развѣсистыхъ каштановъ
Подъ навѣсомъ мраморныхъ колоннъ;

Гдѣ старинныя высокія бграды
Осѣнила зелень толей
И зарею льются сера ми
Въ тихомъ сумракѣ з думчивыхъ аллей...

Въ дѣтскихъ сказочныхъ легендахъ и преданьяхъ,
Словно сонъ какой-то неземной,
Миръ поэзіи въ туманныхъ очертаньяхъ,
Въ смутныхъ образахъ являлся предо мной.

Вѣрилъ я, что въ мирѣ сповидѣній,
Позабывъ нерадостный свой путь,
Отъ заботъ, тревоги и сомнѣній
Всею душою можно отдохнуть...

Оттого, быть может, так глубоко
Я люблю былое вселеннать;
Что-то свѣтлое, ушедшее далеко,
Навѣваетъ дѣтство мнѣ опять.

Позабить про горе и страданья,
Вѣрю я, что, крошкѣ суеты,
На землѣ есть мѣръ очарованья,—
Чуждый мѣръ любви и красоты!

Не пугай меня грозой,—
Не боюсь я вѣшнихъ бурь! —
Вновь заблещетъ бирюзою
Просвѣтлѣвшая лазурь.
Знаю я, что, вслѣдъ за нею,
Въ блескѣ новой красоты,
Ароматнѣй и пышнѣе
Распускаются цвѣты...
Но страшитъ меня несчастье:
Я боюсь, что жизнь пройдетъ
Безъ любви, безъ думъ, безъ счастья,
Въ суетѣ дневныхъ заботъ...
Оттого съ тоской глубокой
Передъ жизнью я стою,
Словно путникъ одинокій,
Безъ друзей, въ чужомъ краю...

(Р. А. Бунину).

Правда твои: непопятною грустью
Больше всего мое сердце полно,
Больше всего безответной любовью
Занято съ самаго дѣтства оно...
Въ пѣсняхъ живу я одними мечтами,
Грусть да любовь вызывали мой стихъ,
И отъ задумчивыхъ пѣсенъ моихъ
Вѣтъ осенними, свѣтлыми днями...

Но не подумай, что я еще въ жизни
Не испыталъ ни сомнѣній, ни думъ,
Что безпокойныхъ, тревожныхъ вопросовъ
Еще не знаетъ мой умъ!

Нѣтъ, уже строгимъ и задумчивымъ взглядомъ
Я провожаю и жизнь, и людей...
Много пришлось провести одинокихъ
И не веселыхъ ночей...

Только кому-же до этого дѣло?
Все, что казалось ~~равно~~ равно уму,
Чѣмъ иногда мое сердце скорбѣло,
Важно и больше ~~чѣмъ~~ чѣмъ мнѣ одному.

Жизнь не дастъ мнѣ какой-нибудь новой
И не избитой дорогой идти...
Такъ для чего жъ я рассказывать буду
Всѣ невеселыя встрѣчи въ пути?..

И оттого-то любовью, мечтами
Больше, чѣмъ думами, помонь мой стихъ,
И оттого-то отъ пѣсенъ моихъ
Вѣтъ осенними, свѣтлыми днями!..

Онъ пришелъ ко мнѣ темною ночью
И тихонько присѣлъ на постель...
Сталъ глядѣть на меня... А во мракѣ
Бушевала митель...

Затанла я въ страхѣ дыханье
И припомнить старалась: кто онъ,
Кто и страхомъ, и счастьемъ тревожнымъ
Отгоняетъ мой сонъ?..

Я давно ужъ простилась съ счастьемъ,
Я давно позабыла о немъ...
А его мы весной схоронили
На кладбищѣ нѣмомъ.

Я цвѣтами когда-то мечтала
Убирать мой вѣнчалый нарядъ,
Но тѣ розы давно на могилѣ,
У него-же лежать...

Для чего-же со мной этотъ призракъ?
Для чего онъ присѣлъ на постель
И мнѣ сердце встревожилъ до боли
Темной ночью въ митель?

... Нынче ночью поѣздъ шумный
Унесетъ меня опять...
Сядь-же ближе.. Дай мнѣ ручку
На прощанье поласкать...

Сердце слишкомъ утомилось;
И сегодня я снажу, —
Я признаюсь, что съ тревогой
На тебя давно гляжу...

Ты давно мнѣ милой стала...
Но колеблюсь я, — боюсь,
Что опять съ одной тоскою
Отъ счастливыхъ грезъ очнусь...

Ну, да что объ этомъ?.. Будетъ!..
Мнѣ твоей любви не знать:
Нынче ночью поѣздъ шумный
Унесетъ меня опять...

Можетъ быть, любовью это
И нельзя назвать; но вѣрь —
Просто, искренно, какъ съ милой,
Говорю съ тобой теперь.

Жизнь еще не оскорбила
Это чувство... И дай Богъ,
Чтобъ оно не потемнѣло
Отъ обидъ и отъ тревогъ...

Никогда ужъ больше въ жизни
Не скажу объ этомъ я...
Только ты, хотя порою,
Вспоминай и про меня!

Цѣнимъ въ юности мы мало
Тѣхъ любовь, кто намъ не милъ...
Такъ, хоть помни, что я другомъ
Для тебя когда-то былъ...

Вотъ и все... Да на прощанье
Дай мнѣ ручку поласкать,
Дай хоть видѣть, что могла ты
Все простить и все понять!..

Прости мнѣ, милый другъ!.. Тѣ скорбины мгновенья,
Когда въ моей душѣ проснулась любовь,
Когда я счастья ждалъ и жаждалъ сожалѣнья,—
Давно уже прошли и не вернутся вновь...
Безпечно, какъ дитя, ты только забавлялась,
Ты только тѣшилась тогда моей тоской,
Ты только весело смѣялась,
И радости всегда былъ взоръ твой голубой...

Теперь — мы счастливы... Но прежняго волненья
И страсти, и любви ужъ нѣтъ въ душѣ моей;
Я былъ счастливѣе въ тѣ скорбины мгновенья,
И вспомнить не могу безъ боли сожалѣнья
Прошедшихъ, грустныхъ дней...

Юным и безбечнымъ я когда-то былъ,
Было всѣмъ открыто сердце молодое;
Не стыдись за нѣжность, нѣжно и любишь;
Не стыдись за чувство, откровененъ былъ...
Но примѣромъ грустнымъ стало мнѣ бывшее.

Юнымъ я остался до сихъ поръ... но ложь,
Недовѣрье близкихъ юность затемнила;
Если и полюбишь—только гори ждешь,
Если въ сердцѣ нѣсеня—нѣсенъ не поешь;
Въ часъ веселья мнится, что тебя забыли...

Вотъ и нынче также: никогда не былъ
Я еще такъ счастливъ, счастливъ такъ глубоко...
Кто-же мнѣ печалью сердце затемнилъ?
Кто-же грустной думой счастье мнѣ смутилъ?
Кто шепнулъ, что счастье минуло далеко?..

Все это не ново... Но, голубчикъ мой,
То то и обидно, то то и больнѣе:
Юность вѣдь прекрасна, хороша мечтой,
Что пойдешь не вмѣстѣ съ пошлою толпой,
Что твой путь быть долженъ лучше и новѣе!..

...Не думай, позабудь... Не вспоминай о томъ,
Что не вернешь однимъ воспоминаньемъ...
Минуты радости и счастья въ быломъ
Я искупалъ тоскою и страданьемъ.

Когда душа моя полна была любви,
Когда разлукою или ревностью скорбѣла,—
Не обидѣла ты страданья мои
И успокоить лаской не хотѣла...

Не вспоминай же юности моей,
Ошибки милая съ надеждами, съ мечтами;
Передъ картинами темныхъ свѣтлыхъ дней
Я прохожу съ закрытыми глазами...

И пусть цвѣтущій май зоветъ опять любить!—
Мнѣ увлекаться мигомъ ужъ не стоитъ;
Я только прошлое боюсь разбудить,
Я лишь себя стараюсь успокоить!..

Отчего такъ часто и такъ ясно
Снится мнѣ веселый лѣтній день,
Снится роща вѣснь молодая
И съ задумчивою тѣнью?

Оттого-ль, что съ этимъ днемъ и рощей
Перезвучны въ памяти моей
Всѣ мои надежды молоды
И любовь далевныхъ дѣтскихъ дней?

Оттого-ль, что сердце молодое
Не забыло въ собственныхъ скорбяхъ,
Что на свѣтѣ счастье золотое
Еще есть и не въ однихъ мечтахъ?..

ТРИ НОЧИ.

I.

Старый садъ всю ночь шумѣлъ угрюмо;
Плакалъ дождь, и капли этихъ слезъ
Падали въ холодный вѣтеръ на землю
Съ голыхъ сучьевъ стонущихъ березъ;
По лѣснымъ тропкамъ и долинамъ,
Какъ сырой и теплый паръ земли,
Первые весенніе туманы
Поднялись и въ темнотѣ погали.
И въ лугахъ сугробы разрыли,
И размыты прошедшею весной.
Занесенные ложбины и овраги,
До краевъ наполнились водой.

II.

На другую ночь затихъ холодный вѣтеръ,
Сталъ туманъ прозрачнѣй и теплѣй;
Бушевали воды по оврагамъ,
Не стѣсненныя снѣгами, вѣтеръ
Старый садъ и тихія аллеи
Оглашали криками сычи
И до самаго разсвѣта не смолкали
Въ ближней рощѣ первые грачи.

Былъ свѣже сумракъ темной ночи
Оттого, что съ юга надъ землей
Вѣяло весеннимъ ароматомъ,
Вѣяло грядущею весной.

III.

И весна, какъ гость давно желанный,
Наконецъ, вернулась и пришла:
Вечеръ былъ задумчивъ и прекрасенъ,
Ночь тиха и ласкова была.
А когда померкъ закатъ далекий,
Утомленныхъ отпустивъ во сну,
Долго-долго я стоялъ безмолвно,
Прислонясь къ открытому окну.
И казалось мнѣ, что таинство свершалось
Посреди глубокой темноты,
Что земля проснулась и незримо
Вырастаютъ первые цвѣты...

Какъ флеромъ голубымъ, закрывъ на полчаса
Окрестность, — дождь прошелъ косыми полосами,
И снова глубоко сплывутъ небеса

Надъ ~~океаномъ~~ ~~моремъ~~

Тепло и ароматъ... Свѣкаетъ земля ржи,
На солнцѣ бархатной становится пшеница,
И въ молодомъ лѣсу, въ березкахъ у межи,
Волтаютъ ~~всплески~~ ~~плески~~

Пойдемъ-же въ лѣсъ... ~~Сидитъ и ждетъ~~
Чаща березокъ тамъ, — и дѣвственны, не снаты
Въ лошпахъ лацдыши. Цвѣтущая весна
Тамъ разлила свои лѣсные ароматы.

Пойдемъ туда... И снова, можетъ быть,
Напомнимъ намъ весна и роща молодая,
Какъ молодъ еще съ тобой мы, дорогая,
Что можемъ мы еще и вѣрить, и любить...

Она пришла съ цвѣтами на могилу...
Ея душа была печальна и грустна,
Ее томилъ недугъ и, словно черезъ силу,
Сидѣла на скамьѣ задумчиво она.

Кругомъ трава высоко зеленѣла;
Быль свѣтлый лѣтній день и на степи въ поляхъ
Даль глубоко и ласково спитъ,
И рѣчка серебромъ сверкала на дугахъ.

И въ степь се невольно потянуло;
Манилъ просторъ полей, манила эта даль;
Казалось—на мигъ тоска ея уснула,
Казалось—на мигъ прошла ея печаль.

Поднявшись со скамьи, знакомою дорогою
Она бодрѣй къ оградѣ подошла
И стала вдаль глядѣть съ неясною тревогой,
Откинувъ прядь кудрей отъ блѣднаго чела.

И показалось ей, что все-таки счастливѣй
Она теперь, чѣмъ бѣдный ея другъ!..
Чуть думалось, что жизнь не можетъ быть тоскливѣй,
Вотъ сердце истонилъ непреломный недугъ!

Но ей-ли спать въ гробу, на вѣкъ закрывши вѣжды?
И ей-ли никогда не быть безпечной вновь?
Вѣдь есть-же у нея какія-то надежды,—
И счастье прошлое, и прошлая любовь!..

3

Май 1889 года.
Усадьба Леворосна, близъ Холмска.

Какая теплая и темная зари!..
Давным-давно закатъ, задумчиво горя,
Помереть надъ сонными весенними полями
И миглыми на все ложится ночь тѣнями,
Въ вечернія мечты, въ раздумье погруживъ
Все отъ затихшихъ роицъ до придорожныхъ нивъ,
И только вдаль въ вечерней мглой не скрыты
На горизонтѣ лѣсъ да грустныя ракиты.

Надъ садомъ облака, нахмурившись, стоятъ;
Весенней сыростью наполненъ тихій садъ
И только надъ прудомъ, куда ведутъ аллеи,
Ночныя облака немного освѣтлѣе.
Но въ чащѣ, гдѣ, сокрывъ весенніе цвѣты,
Склонились молодой акаціи кусты,
И темь, и тишота... Все дремлетъ, все сползаетъ
Все ливня первого безмолвно поджидаетъ.

Засынай, засынай, дорогая,
Убаюкана лаской моею!..
Засынаетъ и чаща лѣсная,
Затихаетъ въ саду соловей...

Я пойму твои горькія слезы,
Я пойму и сомнѣнья твои
И хочу, чтобы свѣтлыя грезы
Унесли тебя въ царство любви...

Самъ твоею я грустью страдаю
И отраднѣй становится мнѣ,
Если счастлива ты, дорогая,
Убаюкана счастьемъ во снѣ!

ОТРЫВКИ.

I.

Смолкает лѣсъ. Темны верхушки.
Но на низу огни зарп
Еще сверкаютъ сквозь опушки,
Какъ золотые фонари.

И мнится, — въ мракѣ, подъ вѣтвями,
Все полно сказочныхъ чудесъ:
Тамъ замокъ, блестящій огнями,
А здѣсь сырой и темный лѣсъ.

II.

Я долго тебя поджидалъ на дорогѣ;
Усталое сердце отъ долгой тревоги,
Съ утра истомившись дневной суетою,
Теперь успокоилось тихой зарею.

А между тѣмъ темное поле уснуло,
Со стени вечернимъ тепломъ потонуло
И тихою думой, вечернею думой
Задумался лѣсъ, поэтично-угрюмый.

И долго при меркнущемъ свѣтѣ заката,
Задумчивымъ счастьемъ безмолвно объятый,
Я ждалъ и боялся, что встрѣча, быть можетъ,
Опять мое свѣтлое счастье встревожитъ...

III.

Поздно... Замолчали
 Въ роцѣ соловьи;
 Въ окна потянуло
 Свѣжестью зари;
 Но еще все тихо, —
 Въ сумракѣ ночномъ
 Садъ въ росѣ холодной
 Дремлетъ чуткимъ сномъ...

Поздно. Но уходитъ сонъ отъ глазъ моихъ...
 Растворивши окна, слухъ возлѣ нихъ.
 Скоро отъ разсвѣта дрогнетъ ночи тѣнь,
 Скоро въ прудъ зеркальный глянетъ алый день,
 И ночныя грезы, темныхъ мыслей рой, —
 Все въ душѣ замѣнитъ свѣжесть и покой.

IV.

Въ знойный день задумчивѣй, привѣтливѣй
 Шепчетъ роща чудной сказкой лѣтней
 И въ нѣжномъ сумракѣ зеленомъ,
 Ароматномъ, словно полусонномъ,
 Въ зловоннѣй рогѣ, призывный, музыкальный
 Оберонъ играетъ въ чащѣ дальней...

А когда и холодно, и рано,
 Лишь заря заглянетъ въ сумракъ бора, —
 Въ неподвижныхъ дремлющихъ озерахъ
 И купается, и смотрится Диана.
 И красую юной, не земною
 Только зеркало любитъ лѣсное...

Дрожать въ темномъ озерѣ звѣздныя очи,
Дрожать и вѣютъ то кротко, то ярко;
Безмолвны, таинственны лунныя ночи
Въ таинственныхъ чащахъ стариннаго парка.
Повисли мосты надъ зеркальной водою,
Свѣтлѣютъ тропинки въ далекихъ аллеяхъ
И тополи только высокой стѣною
Стоять у балкона, безмолвно темнѣя...

Забытыя думы, забытыя грезн!..
И дома опять, но брожу одиноко,
Все также здѣсь юны душистыя розы,
Но счастье мое улетѣло далеко;
Неслышно изъ оконъ аккордовъ рояли,
И домъ, словно храмъ позабытый, бѣлѣетъ...
Таинственно въ паркѣ... И страшны мнѣ стали
Его вѣковыя, нѣмыя аллея...

Блѣднѣетъ почъ... Тумановъ пелена
Въ лощинахъ и лугахъ становится бѣлѣе;
Звучнѣе лѣсъ, безжизненный луна,
И серебро росы свѣжѣй и холоднѣе.
Еще усадьба спитъ... Въ саду еще темно,
Недвижимъ тополь матово-зеленый,
И воздухъ слышенъ мнѣ въ открытое окно
Весеннимъ ароматомъ напоенный...

Ужъ близокъ свѣтлый день... Прошелъ короткій сонъ..
И, въ домѣ тишиной ничѣмъ не нарушая,
Неслышно выхожу изъ двери на балконъ
И тихо свѣтлаго восхода ожидаю...

Роспаются астры въ садахъ;
Стройный кленъ подь окошкомъ желтѣть,
И холодный туманъ на поляхъ
Цѣлый день неподвижно бѣлѣть;
Цѣлый день неподвижно бѣлѣть;
Ближній лѣсъ затихаетъ, и въ немъ
Показались всюду просвѣты,
И красивъ онъ въ уборѣ своемъ,
Золотистой листвою одѣтый.
Но подь этой роскошной листвою,
Въ этихъ чащахъ неслышно ни звука...
Осень вѣетъ холодной тоской,
Осень вѣетъ безмолвной разлукой!...

Поброди-же въ послѣднiе дни
По аллеѣ, давно молчаливой,
И съ любовью, и съ грустью взгляни
На родина, знакомыя нивы.
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
И въ молчаньи осенней полночи
Вспомни пѣсни, что пѣлъ соловей,
Вспомни лунныя, лѣтнiя ночи...
И подумай, что годы идутъ,
Что съ весной, какъ мигуетъ ненастье,
Намъ, быть можетъ, они не вернутъ
Ни любви, ни минувшаго счастья...

ЗАТИШЬЕ.

За днями сѣрыми и темными ночами
Настала свѣтлая пренцальная пора;
Спокойно дремлетъ день надъ тихими полями
И вѣютъ прелестью раздумья вечера...

Весь день кругомъ — ни звука, ни движенья;
Въ прозрачномъ воздухѣ далеко тонетъ взоръ;
Стоитъ багряный лѣсъ въ нѣмомъ оцѣненнѣи
И нѣжнымъ золотомъ горитъ его шатеръ.

Въ саду листы, безъ шороха срываются,
Средь свѣтлыхъ паутинокъ по воздуху блестятъ
И слабо по вѣтвямъ цѣпляя и качаясь,
Въ зеленый, мягкiй мохъ летать...

Плывутъ узоры тучъ прозрачною фатою
Въ пустынныхъ небесахъ высоко надъ землею...
И все свѣтло, все вѣетъ тишиною,
Въ природѣ и въ душѣ — и отдыхъ и покой.

ИЗЪ «ВЕЧЕРНИХЪ ДУМЪ».

Отчего так печальна природа?
Отчего грустенъ вечеръ?

Гляди:

За далекой тропинкой по живью
Ничего не видать впереди.

Далеко на пространствѣ безлѣсномъ
Темный вечеръ безмолвно лежитъ;
Только тамъ, на краю горизонта,
Силуэты чуть видны ракъ;

Да подъ меркнувшимъ свѣтомъ заката,
Разостлавшись надъ полемъ нѣмымъ,
Пыль, поднятая чей-то телегой,
Неподвижно стоитъ, словно дымъ...

Я одинъ... И опять мое сердце
Непонятною грустью полно.
Оттого-ль, что такъ вечеръ безмолвенъ,
Оттого-ли, что въ полѣ темно?

Оттого-ли, что грусть этой ночи
Вѣетъ чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ,
Тининною родимой деревни
И безлюднымъ стенимъ?

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

... Сегодня въ первый разъ одинъ брожу въ аллеѣ...
Сегодня въ первый разъ подумать мнѣ пришлось,
Что счастье нашихъ дней и свѣтлыя мгновенья
Мы не умѣли, можетъ быть, цѣнить...

Все медленно, безмолвно увядаетъ...
Лѣсъ пожелтѣлъ, рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ;
Не такъ теперь таинственны тропинки,
Не такъ тѣнисты въ свѣтлый день поляны;
Высокій клеверъ легокъ, и пшеница зраченъ,
Широкий дубъ, какъ бронзовый, стоить,
И ниже, и свѣтлѣе мелкоколѣсье...
Открыты волчьи лапы по чащамъ
Въ глухихъ лѣсныхъ оврагахъ и лощинахъ,
И по ночамъ мнѣ кажется, что тамъ
При шумѣ вѣтра, въ черной мглѣ осенней,
Сверкаютъ волчьи очи, словно свѣчи...

Но нѣтъ! Теперь еще не такъ печально,—
Настанутъ дни суровѣй и темнѣй,
Когда во мглѣ разсвѣтъ блѣдетъ еле-еле,
Стоитъ туманъ холодный по низамъ
И лѣсъ въ молчаньи мертвомъ неподвиженъ...

Теперь еще пролетных птиц кагалы
У нас садятся отдыхать зарей,
Теперь еще порою дни темнеют,—
Проглянет солнце, озарит чащи,
Пригубит листья, мягкие, сырые,
Глядишь—и лѣсъ опять повеселѣет!
Затихнет весь—ни шороха, ни звука;
Сквозь сучья обнаженных дубовъ,
Сквозь кленовые листья золотые
Влѣзет мирно ласковое небо...

Люблю тогда бродить я и вдыхать
Разлитый тонко аромат осенній.
Уйду за лѣсъ, на гору, за опушку,
Глажу, какъ предо мной осенній лѣсъ нестрѣтъ,
А на поляхъ и жнивьяхъ золотыхъ
Чуть-чуть туманъ синѣет неподвижный...

Минувшая весна, минувшая любовь
Тогда вдвойнѣ милѣй и поэтичнѣй
Миѣ кажутся... Какъ будто даль зоветъ
И тихую печаль миѣ навѣваетъ...
И долго я стою, безмолвіемъ объятый,
И долго предо мной безмолвствуютъ поля,
И теплый свѣтлый день, и рѣдкій лѣсъ пахучій...

Пустынные поля, пейзажи деревень,
Синѣющихъ вдали задумчиво-безмолвно,
Прохладный небосклонъ и этотъ сѣрый день—
Все для меня теперь какой-то грусти полно.

Но эта грусть меня и грѣет, и живитъ,
И силу творчества какъ будто пробуждаетъ,
Какъ будто прежнюю любовь напоминаетъ
И про какую-то разлуку говоритъ...

Внимательно слѣжу, какъ золотомъ нестрѣтъ
Въ лощинахъ и въ поляхъ дубовые лѣса,
Какъ съ каждымъ днемъ блѣднѣютъ небеса
И жнивья желтые и сохнутъ, и пустѣютъ,

И для меня вдвойнѣ понятнѣй и роднѣй
Печаль и красота послѣднихъ дней свободы,
Поэзія иѣмой, задумчивой природы,
Поэзія пустѣющихъ полей.

Любилъ я въ дѣтствѣ сумракъ въ храмѣ;
Любилъ вечернею порой
Его, сіяющій огнями
Передъ молящейся толпой;
Любилъ я всеобщее бдѣнье,
Когда въ напѣвахъ и словахъ
Звучитъ покорное смиренье
И покаяніе въ грѣхахъ...
Безмолвно, гдѣ-нибудь въ притворѣ,
Я становился за толпой;
Я приносилъ туда съ собой
И радости свои, и горе;
И въ часъ, когда хоръ тихо пѣлъ
О «Свѣтѣ Тихомъ», — въ умиленьи
Я забывалъ свои волненья
И сердцемъ радостно свѣтлѣлъ...

Прошли года, прошли надежды;
Переѣнились мечты;
Въ душѣ ужъ нѣтъ теперь, какъ прежде,
Такой сердечной теплоты...
Но тѣ святныя впечатлѣнья
Надъ сердцемъ властны и теперь;
И я безъ слезъ, безъ раздраженья

Переживаю дни сомнѣнья,
Дни оскорбленій и потерь...

Для сердца грусть уже привычна,
Но эта грусть въ душѣ моей
Такъ молчаливо-восторженна,
Что часто счастья ильѣю...

Когда вечернею порою,
Въ слезахъ, измученный тоской,
Передъ иконою святою
Стоишь ты, слабый и больной;
Когда отвергнувъ всѣ стремленья,
Всѣ грезы юности своей,
Ты молишь вѣчнаго забвенья
Вдали отъ мира и скорбей,—

Взгляни, какъ кротко озаряетъ
Лампада ликъ Его святой,
Какъ этотъ скорбный ликъ сіяетъ
Неизъяснимой красотой;
Взгляни, какъ полонъ Онъ терпѣнья,
Съ какимъ спокойствіемъ глядитъ,
А на челѣ вѣнецъ мученья—
Вѣнецъ страданія лежитъ!..

(В. В. П.)

... Нѣтъ, другъ мой, не вѣрьте сомнѣньямъ зловымъ;
Пускай они васъ не тревожатъ:
Вѣзцѣльной забавою, дѣломъ пустини
Искусство нигдѣ быть не можетъ;
Служеніе ближнимъ— не въ жертвѣхъ однихъ;
Не только въ одномъ отреченіи
Отъ личнаго счастья для блага другихъ,
Отъ личныхъ надеждъ и стремленій;
Лишь надо быть съ чуткою, доброй душой,
Чтобъ были вокругъ васъ счастливы;
А путь не одинъ; не идите съ толпой,
Отдайтесь юнымъ порывамъ.
Сердечный и искренный будетъ вамъ трудъ;
И если мечты ваши будутъ
Прекрасны и юны—они не пройдутъ
Безслѣдно, и ихъ не забудутъ;
И если съумѣете вы заронить
Въ толпу хотя искорку счастья,
Никто вамъ не смѣетъ тогда говорить,
Что нѣту въ васъ къ ближнимъ участья.

(Посв. Г. А. ДУКИНУ).

Свѣтлый день сегодня, милый другъ, у васъ;
Всякихъ благъ и счастья всѣ вамъ пожелаю;
Весело и шумно встали всѣ заразъ
И за васъ бокалы шумно поднимали.

Только не слышали вы еще меня,
Оттого, что знаю — вы поймете сами,
Что для васъ сегодня пожелаю я
И какими привѣтомъ обмѣняюсь съ вами.

Вы одинъ, быть можетъ, искренно вполнѣ
Всѣмъ моимъ стремленьямъ юнымъ доверили,
Вы, какъ братъ, сердечно были другомъ мнѣ,
Другомъ, съ кѣмъ делилъ я радость и печали.

Оттого не буду говорить вамъ я
Громкихъ фразъ банальныхъ... Вы поймите сами,
Что для васъ сегодня пожелаю я
И какими привѣтомъ обмѣняюсь съ вами.

20 января 1929 годъ.

Зимней свѣжестью пахнуло
На поля и на лѣса;
На закатѣ холодище
Просвѣтлѣли небеса.

И когда еще все спало,
На разсвѣтѣ все село
И поля, и садъ нашъ голый
Перымъ снѣгомъ занесло...

И сегодня надъ широкой
Бѣлой скатертью полей
Я простился съ запоздалой
Вереницею гусей...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

I.

Поздно... Мѣсяцъ всталъ высоко
Въ зимнемъ небѣ, и далеко
Полный лунный свѣтъ разлитъ;
Освѣщенъемъ бѣлымъ, нѣжнымъ,
Какъ въ чертогѣ бѣлоснѣжномъ,
Онъ въ саду стоитъ.

Что-же ты стоишь—ни слова?
Ужъ не вспомнила-ли снова
Позабитый милый сонъ,—
Наши первые признанья,
Наши долги мечтанья
Въ этой залѣ у оконъ?..

Помнишь,—комнаты всѣ эти
Тонуть въ лунномъ странномъ свѣтѣ,
И безмолвно у окна
Затянулись мы съ тобою,
Какъ высоко надъ землею
Поднялась луна?

Помнишь вѣрно... Но что было
Въ нашемъ сердцѣ, что сулило
Первыхъ нашихъ дней любовь,

Что когда-то намъ казалось
Въ эти ночи, что мечталось,—
Ты не вспомнишь вновь...

Почему-же мнѣ нѣтъ силы
Позабыть твой образъ милый?..
Или правда, что лишь тотъ,
Кто живетъ однимъ мгновеньемъ,
Въ сердцѣ прежнія влеченья
Никогда не сбережетъ?..

7

II.

Помню — долгий, зимний вечерь,
 Полумрак и тишина,
 Тускло льется свѣтъ лампы,
 Буря плачетъ у окна.
 Я лежу въ своей кровати,
 Истощенный и больной;
 Мать съ безмолвной, тайной грустью
 Наклонилась надо мной;
 «Дорогой мой, шепчетъ тихо, —
 Если хочешь задремать,
 Чтобы бодримъ и веселымъ
 Завтра утромъ быть опять, —
 Позабудь, что воеетъ вьюга,
 Позабудь, что ты со мной, —
 Вспомни тихій шопотъ лѣса
 И полдневный, лѣтній зной.
 Вспомни какъ шумятъ березы,
 А за лѣсомъ, у межи,
 Ходить медленно и плавно
 Золотыя волны ржи.
 И знакомому совѣту
 Я доврчиво внимаю,
 И, обвѣянный мечтами,
 Забываться начинаю;

Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось
 Убаюкиванье грезъ;
 Шопотъ зрѣющихъ колосковъ
 И невнятный шумъ березъ...

Дорогая! снова боленъ
 Я и тѣломъ, и душой.
 Зимний вечеръ одинокий
 Вѣетъ темною тоской.
 И встаетъ передо мною
 Все печальнѣй и грустнѣй
 Вереница дней невѣстныхъ
 Вѣдной юности моей!..
 Отчего-же, какъ бывало,
 Не звучитъ мнѣ голосъ твой?
 Отчего-жъ теперь не могутъ
 Мнѣ мечты принести покой?!

Ш.

Крѣпко спитъ усталое селенье—
Не слышать ни звука, ни движенья,
Лишь мятель бушуетъ подъ окномъ.
Ночь длинна, свѣча едва мерцаетъ;
Тишина въ раздумье погружаетъ,
Навѣваетъ думы о быломъ.

И опять забытое бывшее
Наполняетъ сердце молодое
Смутной грустью, тихой и нѣмой;
Каждый разъ о прошломъ вспоминая,
Въ тишинѣ твоей образъ дорогой,
Какъ живой, я вижу предъ собой...

Въ этой комнатѣ бывало вечерами
Мы съ тобой дѣлилися мечтами,
Въ этой комнатѣ сжилися мы съ тобой.
Также грустно буря напѣвала,
Но печаль мнѣ счастья не смущала:
Милый другъ сидѣлъ передо мной.

А теперь? ни звука, ни движенья,
Крѣпко спитъ усталое селенье,
Ночь длинна, свѣча едва горитъ.
Только вѣтеръ плыветъ и тоскуетъ,
Только буря снѣжная бушуетъ,
Да порою ставнями стучитъ.

К Р Ы М Ъ .

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

Байдарская долина.

... Вся долина въ зеленыхъ садахъ,
Вся долина полна ароматомъ...
По горамъ, на цвѣтушихъ холмахъ
Кинарисы толнятся по сватамъ.

Тонуть горныя виси кругомъ
Въ голубомъ, чуть замѣтномъ туманѣ;
Дышетъ утро весеннимъ тепломъ,
Легки тучекъ узорныя тѣни...

Но манятъ очарованный взоръ
Еще больше крутыя стремнины,
Гдѣ долина сокрылась межъ горъ
И предъ ней разступились вершины...

Тамъ прибой свои пѣсни поетъ,
Вольный вѣтеръ свѣжий на просторѣ,
И свободное, гордое море
Ходитъ медленно взадъ и впередъ...

II.

Свѣтаетъ... Надъ моремъ, подъ пологомъ тучъ,
 Лазурное утро свѣтлѣетъ;
 Вершина Байдарскихъ причудливыхъ кручъ
 Нежно и мягко синѣетъ...

Какъ зеркало море... Не плещетъ прибой...
 Подъ легкой фатою тумана
 Въ ущельяхъ, гдѣ сумракъ тѣснится ночной,
 Еще и прохладно, и рано...

Но съ каждой минутой въ разсвѣтныхъ лучахъ
 Яснѣетъ и берегъ, и море...
 Какъ чудны здѣсь, въ этихъ зеленыхъ горахъ,
 Весенняя свѣжая зорька!...

III.

Далеко на морѣ
 Догораетъ вечеръ...
 Потемнѣло небо,
 Потемнѣли волны...
 Только на закатѣ
 Свѣтитъ тихимъ свѣтомъ
 Полоса зари...

Грустно мнѣ, родная,
 Отчего-то стало
 Въ этотъ темный вечеръ.
 Посмотри на берегъ:
 Ночь ужъ наступаетъ;
 Въ темнотѣ огнями,
 Отражаясь въ бухтѣ,
 Городъ весь горитъ...

Смутно выступаетъ
 Силуетъ мечети,
 И толпы душистыхъ,
 Стройныхъ кипарисовъ
 На бульварахъ дремлютъ,
 Словно ихъ чаруетъ
 Сумракъ южной ночи,
 Душной и кѣмой...

Только мнѣ все это
Чуждо, не знакомо;
Каждый день незольно
Ухожу на берегъ
И сажусь на камни,
Гдѣ въ дали туманной
Вижу бѣлый парусъ,
Вижу какъ темнѣеть
Полоса зари...
И знакомой грустью
Сердце наполняетъ
Мнѣ эта картина:
Кажется, что снова
По степи родимой
Вдаль мы проселкомъ,
И закатъ далекий
Долго-долго свѣтитъ
Надъ мнѣвающимъ моремъ
Зрѣющимъ хлѣбамъ...

IV.

У Вайдаръ, на прибрежной скалѣ,
Съ тихой думой и грустью во взорѣ,
Я сидѣлъ и глядѣлъ, какъ во мглѣ
Утопало туманное море.

Я глядѣлъ, какъ внизу подо мной,
Далеко отъ прибрежья во мракѣ,
Чуть мерцающей, тусклой звѣздой
Засвѣтилъ огонекъ на маякѣ.

И дождался прибоя... Пока
Возросталъ его шумъ отдаленный,
Охватилъ меня страхъ,—и тоска
Завладѣла душою смущенной...

Но потомъ изъ-за темныхъ зыбей
Свѣжій вѣтеръ поплылъ надъ волнами;
Сталъ прибой величавый, ровный,
Сталъ торжественный шумъ подъ скалами.

И въ душѣ необъятной волной
Разросталось чувство свободы,
Словно ближе сталъ чутъ душой
Я величье и тайны природы.

И всю ночь на пустынной скале
Я сидѣлъ, вдохновенно-безмолвный,
И внималъ, какъ глубоко во мглѣ
Пѣли темныя, шумныя волны.

НА ЮГѢ.

Не вѣря тѣмъ, кто говорить,
Что море юга золотого
Родныхъ степей не замѣнить,
Не оживить души больного,—
Не съ сожалѣньемъ, не съ тоской
Я винулъ наши косогоры;
Я жилъ заранѣе душой
Тамъ, гдѣ поетъ морской прибой,
Гдѣ утонули въ рощахъ горы,
Гдѣ въ эти дни, когда кругомъ
У насъ все пусто, непривѣтно —
Въ долинахъ осень незамѣтна
И вѣетъ лѣтомъ и тепломъ...

И правда, — въ первый разъ, когда передо мною
Пошли зеленныя долины, тополя,
Когда увидѣлъ я за далью голубую,
Какъ синяя волна катится за волною, —
Я позабылъ совсѣмъ родимыя поля;
Пахнуло на меня благословеннымъ югомъ
И ароматомъ рощъ и свѣжестью морской,
И улыбнулся я надъ грустью и недугомъ
Предъ этой новою и свѣжей красотой...

Въ первый день, въ какомъ то радостномъ весельи,
Уходилъ я въ рощи, въ горныя ущелья,
Въ даль глядѣлъ съ Байдарскихъ каменныхъ воротъ;
Необъятной ширью море растизалось,
Необъятной волей сердце наполнялось,
Чувствуя, какъ воздухъ широко плыветъ...

Вечеромъ я долго проспѣлъ безмолвно,
Глядя, какъ въ туманѣ утоняютъ волны,
Какъ заря погасла, какъ надъ всей землей, —
Въ рощахъ и въ долинахъ, полныхъ теплою мглой,
Все заснуло въ чудномъ, царственномъ покоѣ,
И изъ горъ поднялся мѣсяцъ золотой...

Но когда подъ утро саваномъ широкимъ
Легъ туманъ надъ моремъ, — страшно одинокимъ
Я вернулся въ городъ... Вспомнился опять
Дальній, сельскій хуторъ... Близкое, родное
Снова съ тихой грустью встало предо мною,
И не могъ я этой грусти удержать...

Привомнилось мнѣ, какъ золотомъ пестрѣютъ
Теперь у насъ дубовыя лѣса,
Какъ съ каждымъ днемъ блѣднѣютъ небеса
И нивы желтыя и сохнутъ, и пустѣютъ;
И для меня вдвойнѣ казалася родимъ
Печаль и красота послѣднихъ дней свободы,
Поэзія родной, задумчивой природы,
Поэзія пустѣющихъ полей...

Я понялъ, отчего прощальный крикъ гусей
Въ холодномъ октябрѣ надъ мертвою равниной
Звучалъ въ душѣ всегда отзывчивѣй, сильнѣй
Роскошной пѣсни соловьиной.

Я понялъ, что нельзя чужою красотою
Весь вѣкъ прожить; что красота должна
Сродниться съ дѣтскихъ дней и съ сердцемъ, и съ душою,
Чтобъ настоящею, живою красотою
Была для насъ она...

Южный берегъ Крыма,
весна 1889 года.

На мотивъ Л. БУРЖЕ.

Скоро властной, холодной рукой
Смерть-царица мнѣ очи закроетъ,
Скоро въ темной могилѣ сырой
Мое сердце она успокоитъ;
Одного-бы я только жалелъ,
Я-бы хотѣлъ, чтобъ уснулъ я безмолвно
На морскомъ берегу, гдѣ у скалъ
Вѣчно роищутъ холодныя волны...

Въ часъ, когда налетитъ ураганъ
И подъ темною ризой ночью
Будетъ грозно шумѣть океанъ
Гулко плещущей, бѣлой волною, —
Долетитъ этотъ шумъ и ко мнѣ...
И я вспомню, какъ въ сердцѣ бывало,
Словно волны въ морской глубинѣ,
Жажда жизни и страсть возрастала...

А когда къ безмятежной волнѣ
Лынетъ волна, утомясь отъ волненья,
Будутъ снятыя лобзанія мнѣ
Въ плескѣ ихъ и въ задумчивомъ плытьи...

И пускай на меня набѣвать
Тихій сонъ будутъ пѣсни былого,
Чтобы могъ я хотя вспоминать
Дальней юности счастье снова.

Изъ Фелиции Гименсъ.

Убаюкай меня, дорогая моя,
Какъ въ былые года, убаюкай меня!
Какъ въ былые года, ты опить передъ сномъ
Успокой и утѣшь, осѣняя крестомъ!..

Послѣ долгаго дня и дневной суеты
По ночамъ въ тишинѣ засыпають цвѣты,
Отдыхаетъ и путникъ подъ кровомъ друзей...
Успокой и меня, убаюкай скорѣй!..

И зачѣмъ мнѣ пришлось опять полюбить?
И зачѣмъ милый образъ нельзя позабыть?..
Тяжела ты мнѣ, жизнь молодая моя!..
Ахъ баюкай, родная, баюкай меня!..

Изъ сказки «Солнце Гарема».

Т. МУРА.

На землѣ, межъ богатствами міра,
Нѣтъ богаче долины Кашмира,
Нѣтъ роскошнѣй нигдѣ красоты.
Тамъ лѣса ароматами полны,
Тамъ струятся священныя волны,
Круглый годъ разцвѣтають цвѣты.

Если солнце, прощаясь съ землею,
Догораетъ вечерней дорою, —
Вся долина объята зарей
И, въ зеркальныхъ водахъ отражаясь,
Какъ пѣвѣста въ цвѣты наряжаясь,
Ослѣпляетъ своей красотой.

Сквозь душистую зелень огнями
Блещетъ храмъ освѣщенный, и въ храмѣ
Баядерки поютъ, забывъ
Въ быстрой пляскѣ всѣ радости свѣта,
И звучитъ съ высоты минарета
Монотонный вечерній призывъ...

А когда и дворцы, и мечети
Тонутъ въ лунномъ серебряномъ свѣтѣ,
Какъ торжественно станеть кругомъ!
Какъ заискрятся волны каскада,
Какъ таинственно шумъ водопада
Раздается въ затишьи ночномъ!

По садамъ, гдѣ надъ свѣтлой рѣкою
Снятся чинары густою толпою,
Гдѣ поетъ до зари соловей,—
Назначаются тайныя встрѣчи,
И веселыя юныя рѣчи
Слышны въ сумракѣ тихихъ аллей.

Но едва заблеститъ перламутромъ,
Надъ долиною раннее утро,
Покидая покровъ свой, ночной,
Въ новомъ блескѣ проснется природа:
Золотятся дворцы и пагоды,
Зеленѣютъ сады надъ рѣкой.

Теплый вѣтеръ чинары колыхаетъ,
И все нѣгою, радостью дышетъ,
Все въ сіяніи солнце блеститъ
И про славу, и благость пророка,
Про священныя страны востока,
Про счастливый Кашмиръ говоритъ!

ИЗЪ ПѢСЕНЪ

КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ.

I.

Не за Бѣлой-ли рѣкою,
О бѣляночка моя! —
Не за Бѣлой-ли рѣкою
Слышны пѣсни соловья?..
Все тебѣ-бы рассказать я,
Много сказокъ прежнихъ дней,
Еслибъ только испытать я
Сладость нѣжности твоей!..

II.

Моя бѣленькая дѣвушка,
Мы пойдемъ гулять вдвоемъ!
Пусть глядятъ и удивляются —
Мы пойдемъ съ тобой вдвоемъ!
Моя бѣленькая дѣвушка,
Въ позументѣ воротникъ!
Вѣдь у всѣхъ разумныхъ дѣвушекъ
Въ позументѣ воротникъ...

III.

Не поетъ-ли соловьи
Въ чащѣ темной и густой?..

Другъ любимый, дорогой,
Я страдаю отъ любви!
Теплымъ гнѣздышвомъ въ лѣсу
Соловьи обзавелись...
Только намъ ужъ никогда
Въ этомъ мѣрѣ не сойтись!..

IV.

Говорятъ, что вся клубника
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла,
Говорятъ, что также точно
Грибы у дѣвочки бѣла...
Аршинъ бѣлыхъ позументовъ
Въ рукавахъ и на подолахъ—
Я боюсь, что это много,
Слишкомъ много на камзолъ!

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Es ist eine alte Geschichte...
H. Heine.

I.

Тихи были апрѣльскія зори;
Гасъ въ степи блѣдно-алый закатъ.
Хуторъ спалъ. Темной рощей казался
За плетнемъ въ тепломъ сумракѣ садъ.
На селѣ за далекой долиной
Огоньки загарались видны;
По зарѣ отчего-то казались
Хороводныя пѣсни грустны...

И открылося сердце впервые
Нѣжной ласкѣ апрѣльскихъ ночей,
И онѣ переполнили душу
И любовью, и грустью своей.
Чей-то милый и ласковый образъ
Невидимкой стоялъ предо мной,
Долго ждалъ я кого-то съ любовью
И о комъ-то томился тоской...

Въ свѣтлый праздникъ весенняго счастья
Мы, голубчикъ, сошлись съ тобой;
Ты была еще дѣвочкой милой,
Ты была мнѣ родною сестрой;

И когда загрущу я, бывало,
И заплачет тоской, какъ струна,
Въ часъ раздумья душа молодая,
Жадной жизни и счастья полна,—

Ты не разъ говорила, какъ брату:
«Не грусти!—все пройдетъ... И не разъ
Вспоминать будешь, милый, какъ счастье,
Даже каждый нерадостный часъ» ...
Правда, вспомнилъ не разъ, только поздно,
Поздно понялъ я эти слова...

Это старая-старая пѣсня,
Но всегда она будетъ нова...

Н.

Почернѣли лѣса, потянулись
По зарямъ журавли и — за нихъ
Виѣсть съ мартовскимъ плымъ туманомъ,
Виѣсть съ шумомъ потоковъ лѣсныхъ.
Все въ усадьбѣ ожило, все таетъ,
Садъ въ аллеяхъ давно оголенъ
И далеко видѣется поле
Въ отворенную дверь на балконъ...

Воротилась весна, воротилась!
Ностъ грудь... но не прежней тоской;
Слишкомъ ясно теперь понимаю,
Отчего я измученъ душой...

Воскресаетъ природа весной,
Воскресаетъ и память. И вошь,
Невеселая жизнь предо мною,
Невеселая юность встаетъ.
Что-же въ ней? Кто забить, кто оплакать?
Что томилу?..

Родная моя!

Ты услышишь слова о прожитомъ,
Но его пережилъ только я!

И пустымъ, и безличнымъ фразеромъ
Называли меня. Не бѣда!..
Кто смѣялся надъ горемъ, я съ тѣми
Вылъ по виду веселымъ всегда.
Мнѣ печально одно: уже нечѣмъ
Помануть даже прожитыхъ дней,—
Мое счастье—въ холодной могилѣ
И дафты увидать на ней!

Было время дорогое... Сердце радости искало;
Всей душой хотѣлось счастья,
Всей душой хотѣлось жить...

Но какое-то сомнѣнье сердцу вѣрить не давало,
Ко всему уже успѣло
Недовѣрие вселить...

Но постой: измучать душу недовѣрье и сомнѣнья,
Одинокій темный вечеръ
Будетъ дологъ и унылъ,

И захочешь снова вѣры, нѣжной ласки, утѣшенья,
Но печалень будетъ вечеръ
И въ душѣ не будетъ силъ...

... Голубчикъ! Зачѣмъ говорить..
Всю душу съ любовью, съ мечтами,
Все сердце стараться раскрыть —
И чемъ-же?.. одними словами!..

И хотѣ-бы въ словахъ-то людскихъ
Не такъ ужъ все было избито!..
Значенья не сыщете въ нихъ,
Значеніе ихъ позабыто!..

Да и кому рассказать?..
При искреннемъ даже желаньи
Никто не сумѣетъ понять
Всю силу чужого страданья!..

И каждый изъ насъ одинокъ,
И каждый почти что невиненъ,
Что такъ отъ другихъ онъ далекъ,
Что путь его скученъ и длиненъ...

... Поэзией летою
Это было, другъ милый!
Уж давно не звучали
Соловьиныя пѣсни
По безмолвнымъ садамъ;
Въ темнотѣ по аллеѣ
Разливался неясный
Запахъ листьевъ сухихъ
И склоненныхъ акацій...

Тамъ, гдѣ въ дворѣ балкона
Лампа слабо свѣтила,
Начинались пѣсни,
И веселыя рѣчи
Молодыхъ голосовъ
Раздавались не ясно...
Сговорившись, какъ будто,
Мы спустились съ балкона
И въ аллею вошли...

Сердце билось, —
Милый другъ ненаглядный
Видѣлъ такъ близко со мной;
Сердце ждало признанья,
Оналось любви... И не зналъ, —
На зву или въ грезѣхъ
Убавило счастье,

И приснился на мигъ
Вешній сонъ позднимъ лѣтомъ...

Дни пройдутъ... Еще много
Будетъ въ жизни обидъ,
И потерь, и волнений,
И нерадостныхъ думъ...
Но какъ грустную пѣсню
О далекомъ, о миломъ
Вспомнивай, дорогая,
Свѣтлый сонъ, что приснился
Позднимъ лѣтомъ на мигъ!..

Съ каждымъ днемъ со мной ты холодиѣе;
Можетъ быть, разстанемся съ тоской;
Избери-же друга веселѣе
И моложе сердцемъ и душой.

Онъ твой надежды не обманеть;
Беззавѣтно, весело любя,
Онъ любовь тоской смущать не станетъ,
Думой онъ не утомить тебя;

Онъ, — какъ я въ минуты раздраженья
За тебя-же, другъ мой дорогой,
Не обидитъ словомъ полозрѣнья,
Не обидитъ ревностью слѣпой;

Только, можетъ, дѣтскими слезами
Онъ не будетъ плакать о быломъ,
Только, можетъ, глухими мечтами
Назоветъ любовь свою потомъ.

... Однообразныя, печальныя сомнѣнья,
Дни, словно сумерки, безъ дѣла, безъ любви...
Но виновато-ль ты, большое покаянье?
И чѣмъ навѣяны сомнѣнья твои?...

... Когда изъ шевельныхъ стѣнъ домой мы возвращались,
Мы находили тамъ безмолвіе одно;
Отцы и братья намъ въ отвѣтъ не улыбались,
Отцы, за родину погибшіе давно...
И хоть не разъ горячихъ впечатлѣній
Душа не дѣтская въ томленіи ждала,
Но было пусто все! И только по селенью
Гудѣли медленно вдали колокола...

Жизнь представлялась намъ какъ-бы двумя мірами:
За нами — прошлое съ угасшею борьбой,
А новый день, встающій передъ нами,
Еще былъ въ сумракѣ, чуть тронутъ зарей...
И ангелъ сумрачный для насъ сталъ духомъ вѣка;
Мы обрели его сидящимъ на костяхъ, —
Въ плащъ сѣбялюбія закутанъ онъ, какъ бѣка,
Не то живой, не то ужъ полуирахъ...

Такъ въ Страсбургѣ дочь графа Сарвердена
Въ гробу, подъ бѣлою вѣнчалъною фатой,
Ложится, сохранена, какъ мумія, отъ глѣна,
Но страшенъ видъ ея, — ребячески-худой! —

Холодною тоской и безотчетнымъ страхомъ
 Томить ея парадъ и мертвое лицо:
 Еще блеститъ ея вѣнчалъное кольцо,
 А голова въ цвѣтахъ разсыпалася прахомъ!..

О, дѣти будущихъ, грядущихъ поколѣній!
 Когда вы въ дѣтній день въ отчизнѣ дорогой
 На зеленн луговъ, въ часы отдохновеній
 У плуга потъ съ чека сотрете трудовой
 И улыбнется вамъ полъ яркими лучами
 Земля кормилица, — подумайте порой,
 Что мы свой путь прошли съ бескляными слезами,
 Что жертвой были мы за будущій покой!..

Мы вызвать въ васъ должны святое состраданье
 Не такъ, какъ прочіе: и въ битвѣ, и въ трудѣ
 Изъ утѣшало гордое страданье, —
 А намъ нѣтъ отдыха и радости нигдѣ! *)

*) Мотивъ нѣтъ этого стихотворенія. Взятъ изъ моего отрывка
 изъ „Confession d'un enfant de Sibirie“, А. Мюссе.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Эпиграфъ	5
Снились мнѣ цвѣтущія долины	7
Не пугай меня грозой	9
Ю. А. Вушняу	10
Онъ пришелъ ко мнѣ темною ночью	12
Нынче ночью поѣздъ шумный	13
Прости мнѣ	15
Юнымъ и безпечнымъ	16
Забудь, забудь меня	17
Отчего такъ часто	18
Три ночи	19
Какъ флеромъ голубымъ	21
Она пришла съ цвѣтами	22
Какая теплая и темная заря	24
Засынай, засынай, дорогая	25
Отрывки	26
Дрожатъ въ темномъ озерѣ	30
Вглядѣветъ ночь	31
Осыплются астры въ садахъ	32
Затнше	33
Изъ вечернихъ думъ	34
Последніе дни	35

	СТРАН.
Пустынные поля	37
Любилъ я въ дѣтствѣ	38
Когда вечеромъ порой	40
Нѣтъ, другъ мой, не вѣрьте	41
Г. А. Лукину	42
Зимней снѣжестью измучо	43
Зимнія ночи	44
Крымъ	51
На югѣ	57
Переводы: изъ П. Бурже, Ф. Гименсъ, Т. Мура	60
Изъ пѣсенъ казанскихъ татаръ	65
Изъ пережатаго	67
Было время дорогое	70
Голубчикъ, зачѣмъ говоришь	71
Поднимъ лѣтомъ	72
Съ каждымъ днемъ со мной ты холоднѣе	74
Однообразныя, печальныя сомнѣнья	75

3448-74

М. М. 19779

11